Ратько Т.В. **Синонимы как средство выразительности художественной речи / Язык и межкультурные коммуникации: Материалы УІ Международной научной конференции, Вильнюс-Минск, 15-18 мая 2013 г./ Бел. гос. пед. ун-т; под ред В.Д. Стариченка [и др.] – Минск, 2013. С. 240-243.**

СИНОНИМЫ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ

Как известно, выразительность речи характеризуется эмоциональностью, образностью, живостью и создается при помощи языковых единиц любого уровня. Безусловно, основными средствами создания образности являются тропы и стилистические фигуры. Однако немаловажную роль в достижении выразительности речи играет лексика и, в частности, синонимы.

В области лексической системы главенствующая роль принадлежит семантике лексических единиц, а так как в языке существует огромное количество многозначных слов, «возникает проблема правильности, смысловой точности и стилистической уместности слова в высказывании (употребление синонимов, паронимов, фразеологических оборотов и т.п.)» [1, с. 164]. Правильный подбор синонимов позволяет исключить тавтологию и в целом обогащает речь, особенно художественную.

Большинство исследователей основными критериями синонимичности считают, во-первых, максимальную семантическую близость слов, во-вторых, взаимозаменяемость. Неоспоримым является то, что в основе значений синонимичных слов должно лежать одно понятие, а различаться слова-синонимы могут лишь оттенками значений. Под оттенками значений в сфере синонимических отношений мы понимаем смысловые нюансы, являющиеся показателем различия в семантике слов, обозначающих одно и то же понятие. Именно оттенки значения определяют способность или неспособность слова называться синонимом по отношению к доминанте. Л. П. Алекторова пишет: «Оттенки значений синонимов – это не все и не любые оттенки в значениях слов, а только те различия в смысле, которые обнаруживаются при сопоставительном анализе синонимов. При таком понимании решающую роль в раскрытии оттенков значения синонимов приобретает сопоставление фразового употребления слов-синонимов» [2, с. 128].

Определений синонимов в языке существует множество. Приведем определение, данное А. П. Евгеньевой: «Синонимами следует считать слова, обозначающие одно и то же понятие, тождественные или близкие по значению слова, которые определенным образом соотнесены в данное время в языке и служат детализации и различению тонких смысловых оттенков понятия или выражению экспрессивных, стилистических, жанровых и иных различий» [3, с. 29]. Однако «тождество» и «близость» – различные понятия, особенно в

определенном контексте. А. Д. Григорьева, давая определение синонимам, разделяет эти понятия, утверждая, что «только смысловое тождество (а не близость значений, как допускают некоторые), позволяет рассматривать слова как синонимы», добавляя при этом, что «различная эмоциональная окрашенность слов (грубость, возвышенность или сниженность, поэтичность или прозаичность и тому подобное), разная функционально-стилистическая характеристика (разговорность, книжность, просторечность и тому подобное), специфика их контекстного употребления (в составе фразеологизма или нет, в соединении с более широким или менее широким кругом слов), специфические для каждого из них формально-грамматические особенности не мешают признанию явлений синонимическими при наличии тождества значений» [4, с. 7-8].

В художественной речи синонимы играют особую роль. Поскольку в языке литературного произведения именно на лексические ресурсы падает максимальная нагрузка, выбор такого слова, которое способно было бы предельно объективно и в то же время с определенной долей экспрессии создать художественный образ, – вот та цель, к которой стремится каждый писатель или поэт. Помочь достижению этой цели, пожалуй, в большей мере, чем другие, способны синонимические средства языка.

Наиболее интересно, на наш взгляд, проследить функционирование синонимов именно в художественной речи. Так, например, чтобы показать не просто чувство грусти, а состояние крайней психической угнетенности героя, близкое к отчаянию, М. Е. Салтыков-Щедрин употребляет слово *тоска*: *Ни об ком она не думала, ни на кого не негодовала, никого не обвиняла; она даже забыла, есть ли у нее капитал и достаточен ли он, чтоб обеспечить ее старость. Тоска, смертная тоска охватила все ее существо.* Однако у того же автора слово *тоска* обладает массой семантических оттенков. Так, при характеристике другого героя лексема *тоска* является как будто началом общего уныния, охватившего его. Дальше его чувства усиливаются и словно доходят до своего предела: *Утром он просыпался со светом, и вместе с ним просыпались тоска, отвращение, ненависть.* В строгом смысле слова *тоска, отвращение, ненависть*, конечно, не являются синонимами, однако в контексте художественного произведения, на наш взгляд, их можно назвать градационными окказиональными синонимами, поскольку, объединяясь в один ряд и отображая нагнетание отрицательных эмоций, эти лексемы дают представление об общем угнетенном психическом состоянии героя.

В рассказе «По делам службы» А. П. Чехова именно синонимы позволяют добиться особой выразительности речи и эффекта комизма, хотя, как это ни парадоксально, говорится здесь о вещах грустных: *Барин потом на духу лет двадцать не был, его от церкви отшибало, значит, и без покаяния помер, лопнул.* Слова *помер* и *лопнул*, конечно, являются контекстуальными синонимами; лексема *лопнул* применительно к человеку вообще вызывает

ассоциацию с народными сказками. Именно в произведениях фольклора, в частности, в сказках нередко встречается глагол *лопнул* как средство наказания отрицательного персонажа. Таким образом, употреблением контекстуальных синонимов А. П. Чехов добился двойного эффекта: во-первых, читателю смешно, во-вторых, ясно, что автор иронизирует, отображая кончину отнюдь не положительного героя.

В художественном тексте у синонимичных слов, как правило, наблюдается наличие дополнительных оттенков, придающих речи выразительность. Чаще всего это касается стилистических синонимов, которые несут дополнительную эмоционально-экспрессивную нагрузку, причем как положительную, так и отрицательную. Так, например, употребление И. Ильфом и Е. Петровым слов *поплёлся*, *потацился*, безусловно, является стилистически оправданным. Замена указанных лексем нейтральным синонимом *пошёл* сразу повлечёт за собой утрату выразительности и эмоциональной насыщенности контекста: *Дворник кряхтя поплёлся к двери, открыл её и в сильнейшем замешательстве отступил. ... Отец Фёдор ... потацился к вокзалу и затерялся в толпе носильщиков.*

Интересны стилистические синонимы, обозначающие процессы речи и выполняющие выразительную и эмоционально-оценочную функции: *Но Остап Бендер ... не дал дворнику и пикнуть.* «Сейчас нажрут, станут песни *орать!*»; «Бросьте стул! – *завопил* Бендер. – Вы что, с ума спятили?» (И. Ильф, Е. Петров); «*Нашим лотом жиреют обжоры*», - *надрывается* городской. (М. Зощенко).

Яркие примеры употребления стилистических синонимов находим и у М. Е. Салтыкова-Щедрина: «*Не ври! Есть ещё! По глазам вижу!* ... Сказывай, какое ещё дело за тобой есть? - *решительным голосом прикрикнула на него Арина Петровна, - говори! Не виляй хвостом* ... *сума перемётная!* В данном случае в синонимические отношения вступают слово и фразеологическое словосочетание, имеющие разговорный характер и выражающие пренебрежительное отношение барыни к крепостному: *врать* и *вилять хвостом*. В указанном контексте реализуется как выразительная, так и эмоционально-усилительная функция стилистических синонимов, поскольку в речи персонажа сначала употребляется разговорное слово *не ври*, а затем – для усиления эффекта – фразеологизм *не виляй хвостом*. Что касается фразеологических единиц, следует согласиться с мнением о том, что они могут быть полноценными компонентами смешанных лексико-фразеологических синонимических рядов, но только в речевом плане, поскольку подавляющее большинство фразеологизмов имеет определенную стилистическую окраску. По семантике фразеологизм соотносится со словом как лексической единицей. Поскольку смысл фразеологического словосочетания чаще всего поясняется одной лексемой, вполне естественным будет включение в единый синонимический ряд отдельных слов и фразеологических конструкций.

Возможна также синонимизация фразеологизмов друг с другом. Так как фразеологизмы – синтаксически неделимые единицы, их можно отнести к синтаксическим эквивалентам однословных синонимов. Так, например А. П. Чехов в одном контексте употребляет сразу два синонимичных фразеологизма, что, безусловно, придает речи выразительность и ясно выражает точку зрения автора: *Если хочешь писать, то поступай так. Избери сначала тему. Тут дана тебе полная свобода. Можешь употребить произвол и даже самоуправство. Но, дабы не открыть во второй раз Америки и не изобрести вторично пороха, избегай тем, которые давным-давно уже заезжены.*

В рассказе «Попрыгунья» наблюдаем стилистические синонимы *влюбиться – врезаться*: *Я всю ночь проплакала и **влюбилась** адски; Мой Дымов **врезался по самые уши**.* В данном случае просторечие *врезался* в сочетании со словами *по самые уши* говорит с особой экспрессией об интенсивности чувства главного героя, к которому автор относится очень тепло. Кроме того, А. П. Чехов намеренно искажает фразеологизм *влюбиться по уши*, заменяя в нем нейтральный глагольный компонент на просторечный, чем достигает особой художественной выразительности.

Таким образом, можно отметить, что лексические синонимы, употребленные в тексте литературного произведения, способны не только обогатить и разнообразить его язык, но также придать художественной речи особую экспрессивность, эмоциональность и выразительность.

Литература

1. Русский язык. Энциклопедия. 1979. Гл. ред. Ф. П. Филин. Москва: Сов. энциклопедия.
2. Синонимы русского языка и их особенности: Сб. ст. 1972. Отв. ред А. П. Евгеньева. Ленинград: Наука.
3. Очерки по синонимике современного русского литературного языка. Сб. ст. 1966. Отв. ред. А. П. Евгеньева. Москва: Наука.
4. Вопросы культуры речи: Сб. ст. 1959. Под ред. С. И. Ожегова. Москва. Вып. 2.